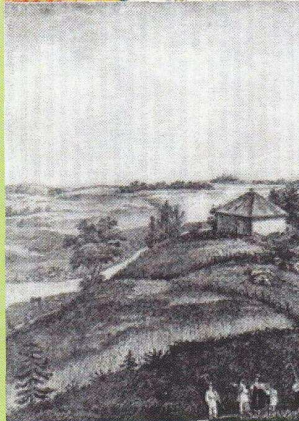

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЙ
И ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КЛАССИКИ

Благодаря его дружбе князь Андрей
Пьером стал любимицей и фаворитом.
Но князь Андрей преданнейше
всё преданнейше полюбил её,
и ввёл в дом свой усадьбу,
и восторжествовала там
Людмила

А. Пушкин

Москва
2013

европейское воспринимается как «свое», но подражание – не конечная цель, а возможность со временем стать самим собой. Душевность, совестливость, умение вести дружественный диалог, быть терпимым – вот те достоинства, которые находит Карамзин в русском человеке. Постоянное внимание автора «Писем русского путешественника» к проблеме и ценности человеческой жизни – показатель выхода России на уровень европейской цивилизации. «Для народов, призванных ко всемирно-историческому действию в новом мире, такое существование без начала личности невозможно. <...> Личность, сознающая сама по себе свое бесконечное, безусловное достоинство, – есть необходимое условие всякого духовного развития народа», – утверждает К.Д. Кавелин [2, 22]. Карамзин сам является такой новой свободной личностью, что позволяет его считать первым классиком русской культуры Нового времени, так как он интуитивно почувствовал «самое нужное и самое своевременное для русской культуры начала XIX века – проблему ее национальной идентичности» [4, 132].

Литература

1. Абрамовская И.С. Н.М. Карамзин в поисках пространства и времени/Путешествие как феномен культуры. – СПб., 2012.
2. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. – М., 1989.
3. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – М., 1988.
4. Кондаков И.В. Русская культура: краткий очерк истории и теории. – М., 1998.
5. Лотман Ю.М. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры (совместно с Б.А. Успенским) // Ю.М. Лотман. Карамзин. – СПб., 1997.
7. Платонов С.Ф. Н.М. Карамзин. – СПб., 1912.
8. Черепанова Н.В. Путешествие как феномен культуры: дисс. канд. филос. Наук. – Томск, 2006.

А.Н.Пашкуров

Казанский (Приволжский) федеральный университет

1812 ГОД В РУССКОМ СЕНТИМЕНТАЛИЗМЕ: «ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗВЕСТИЕ О ПРЕБЫВАНИИ В МОСКВЕ ФРАНЦУЗОВ 1812 ГОДА» П.И.ШАЛИКОВА

На первый взгляд, русский сентиментализм и героико-гражданственная поэтика – миры просто сосуществующие, но практически не взаимодействующие. Исключение сделано лишь для троих писателей: Н.М.Карамзина, И.И.Дмитриева и А.Н.Радищева. Первых двое вышли к новой концепции «исторического чувства» в ходе цивилизации ([15]). Радищев чаще всего соотносился в науке с реализмом, о схождениях этого автора с сентиментализмом исследователи заговорили со второй половины XX века ([13; 17]; Р.Фигут выдвинул гипотезу о роли сентименталистского Возвышенного в радищевском творчестве [17]).

Поздний русский сентиментализм (о его системе – см.: [14]), с его подчеркнутой камерностью и «дидактизмом новой волны» просто-таки обречен на то, чтобы отталкивать своих исследователей от самой мысли, даже попытки искать в нем высокие гражданственные мотивы (в 1812 году даже ученик Карамзинской школы В.А.Жуковский сознательно «отступил» к патетике классицизма, в «Певце во стане русских воинов»!).

Князь Петр Шаликов, и поныне несущий клеймо «эпигона» сентиментализма [9] (показательное исключение – [18]), тем не менее, создал произведение о 1812 году, перед которым оказались впоследствии бессильны даже самые строгие критики и разоблачители его таланта: «Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года», 1813. П.Е.Щеголев, автор известного и широко цитируемого биографического очерка о князе – и тот, среди целого натиска нелюбимых размышлений, вынужден был признать, что «Историческое известие...» П.И.Шаликова имеет историческую ценность, выступая в своем роде – «единственным!» [20]. Неистовый романтик В.К.Кюхельбекер, вообще мало чтивший «великолепную ахиню» сентиментализма (вспомним полушугливый отклик Пушкина в «Евгении Онегине»), признавался открыто и честно, что не мог читать эту небольшую книгу «...без того, чтобы не зашевелилось в сердце» [11, 204]. Наконец, нельзя забывать, что «Известие...» Шаликова вошло в круг чтения самого Л.Н.Толстого времени работы над «Войной и миром» [6; 10].

Первое, что сразу «зацепляет» внимание в книге князя – полифония разных литературных традиций и стилей. В прологе, объясняя первое слово заглавия («Историческое...»), Шаликов признает значимое влияние древнерусских летописей – но тут же скромно отдает пальму первенства древним авторам, рисуя себя вовсе не историком и философом, а просто «чувствительным очевидцем» событий (схожий ракурс рассмотрения – и в мемуарной женской литературе о 1812 году: ср. недавние исследования о записках Е.В.Новосильцевой [4]). Хроникальность рассказа, строго по датам-числам и времени суток, тем не менее сохранена: описываемая трагическая картина разворачивается от 4 часов вечера 2 сентября 1812 года по 11 октября того же года. В определенную минуту старый писатель попытается и поглубже заглянуть в историю: когда отметит странное, но не случайное совпадение дат (ровно за двести лет до взятия Наполеоном Москвы была польская интервенция 1612 года!) – и когда будет размышлять о непростом соотношении в писателе, свидетеле трагических страниц России, объективности и «личности». «Резец истины и беспристрастия» он в итоге провозглашает своим кредо [19, 12]. Многие страницы «Известия...» следуют этому принципу с буквальной точностью, особенно там, где Шаликов приводит перевод дословно списанных воззваний оккупантов к жителям города [19, 24-26]; [19, 41-48]).

Отдельные лирические отступления вносят в меняющуюся летописную традицию сентименталистскую вариацию «библейского стиля» [5]. Так, рефреном нарастает мотив тьмы: «...непроницаемый мрак гения тьмы тщательно покрывает все дела вероломные...» [19, 14]; «Что за мрачные облака скрывают все Наполеоново!» [19, 62]. Как только Шаликов обращается к своим мирам, к своей семье и к близкой своему видению философии чувства, он становится сдержан и в высоком смысле слова искренен. Вот лишь некоторые картины жизни и боли древнего города... Уставший старик, бесцельно бродящий по улицам «с глубокой раной на щеке» (захватчики били «ружьем или тесаком, не взирая ни на пол, ни на возраст...») [19, 22]... Рядом со святыней Новодевичьего монастыря построена французами «...высокая батарейная насыпь с глубоким ровом...» [19, 33], и несчастные обитательницы становятся «мучениками неизвестности» [19, 50]. Пронзительнее «патриотического честолюбия» [19, 7] и действенной «духа сильного негодования» [19, 12] звучит глубокое чувство сострадания верующего человека – ближним («...собственное страдание ... легче несравненно...») [19, 8]. Потому и рождается чувство Возвышенного: «...величественная в самом беззащитном состоянии Москва» [19, 16].

Сердце оказывается самым верным: и «объяснителем» и советчиком. Жители не поверили прокламации французского коменданта, потому что «...тайный голос сердца говорил каждому...» [19, 28], как важно терпеть, молиться и собирать силы. Хрупкое сердце помогает перенести все

испытания: «В полночь, темную, осеннюю и туманную, страшный грохот разбудил жителей... Окна дрожали подобно сердцам нашим ... и эхо продолжая во влажном воздухе замирающие звуки сливало их между собою...» [19, 54]. Взрыв-святоотатство – взрывающиеся пороховые склады близ Симонова монастыря, святыни и русской истории (у Шаликова – яркое авторское проявление феномена Национального: [12]).

Испытания чувств ведут к вершине: это – семья. Причем: не только своя семья, а Семья в древнем смысле России: как общность единых перед Богом людей, потому и «...горестное семейство имело отраду, имело утешение в искренном и деятельном сострадании душ...» [19, 37]. Вообще, семья предстает глазами старого литератора третьей святыней, после Творца и Родины. Лишившись крова, московские семьи находят уют, покой и надежду в доме Бога – в церквях, еще не оскверненных мародерами-оккупантами. Вера в Семью как общность – спасение для страдальцев-женщин, посаженных французами за работы швей и прачек «...в самых олтарах...» [19, 19] (о документальности и субъективизме в прозе к концу XVIII века: [1; 2]).

Картины беды и горя сливаются у князя Шаликова в свою горькую философию, при символическом параллелизме с библейским текстом и Апокалиптическим сюжетом гибели мира [16; 7] (в аспекте классической русской идеи Писателя-Учителя – ср.: [3]). Ложная благодетельность врагов – и та оборачивается лишь еще одной стороной зла. Предвосхищая Льва Толстого, Шаликов размышляет о замкнутом круге жестокости на войне: «...новый источник жестокости... За преступленьями идут вослед другие!» [19, 16]. Из всего этого хаоса рождается мифологический библейский образ «проклятого царя», управляющего беспощадными вандалами. Проводя сравнения с историей крушения Рима, Шаликов создает собирательный темный образ «чудовищ жестокости, <надежденных – А.П.> силою причинять зло и гением наносить бедствия...» [19, 9]. В мире несчастных жителей Москвы, царят терпение, скорбь, но и Вера. Святоотатцы-оккупанты, в «богоотступных забавах жалких безумцев» [19, 20] (предрекается Пушкинский «Пир во время чумы!»), и само свое надругательство над культурой, историей и верой города и России ведут как увлекательную игру: «Грубые Вандалы находили ребяческое удовольствие звонить в колокола... обманывали набожных простолудимов, которые могли подумать, что благовестят к обедне, к вечерне...» [19, 20]. Жестокая игра людей легко переходит в алчное насилие, стремление «...вырвать из трепещущих рук ... последнюю одежду или последний кусок хлеба...» [19, 22]. Но вызывает мародерство в страдающих не только страх и слепой гнев. Шаликов, «истинный рыцарь сентиментализма» [8, 16], рисует более сложно: рядом с насилием и мученичеством – возвышающее москвичей над врагами горькое презрение: «...нельзя было не улыбнуться сквозь горьких слез...» [19, 35]. Самое

страшное – в том, что злодеяния вершатся в просвещенном XIX веке не темными дикарями, а людьми Европы, страны, только что служившей светской культуре образцом! В «жесточайших варваров» обратили людей – «коварная политика, адская хитрость, утонченная злоба» [19, 12].

Всякое зло, знали и древние летописатели, неуклонно обратится и на своего вершителя. Таким видится Шаликову и Наполеон Бонапарт на закате карьеры. С одной стороны, сохраняются отголоски библейских мотивов пира зла в греховном мире: «Наполеон, которого душа без сомнения веселилась образом тартара...» [19, 18]. Но, с другой стороны, все явственней стремление взглянуть на этого человека «без ореолов» (как потом у А.С.Пушкина, Л.Н.Толстого...). Шаликов помещает грозного императора ... в галерею литературных персонажей, выведя его из серьезной летописи истории: «...пошел было по следам Александра Великого, но кончил поприщем Дон-Кихота...» [19, 39]. Нарастает мотив крушения и бегства: «...сам Наполеон утратился огненным рекам и выехал из Кремля ... бодрствовать в безмолвии полей...» [19, 18]. Через ослепленную потерянность, через Суд («Небо, всегда справедливое, оказывает суд свой, как ... оказывало ... милосердие...» [19, 9]), – наступает осознание смысла наказания: «...сии страшные уроки возвратят нас к нашим обязанностям... наступит время, когда Божественное Правосудие <спасет – А.П.>» [19, 11]. Финальный аккорд, отступление французской армии 11 октября, предстает как подтверждение истины высшей книги – Божественных Прощения и Любви: «...возсияло солнце природы и благодати...» [19, 55]. Восстановлена и светлая гармония: если в начале уцелевшие церкви служили приютом лишившимся крова жизни – то теперь: «В храмах Божиих излились жарчайшие моления душевной благодарности ко Всевышнему, спасающему Россию...» [19, 55].

Литература

1. Антохов А.В., Антохова С.Ю. Русская провинциальная мемуарно-автобиографическая литература второй половины XVIII – начала XIX вв. // Литература, язык, периодическая печать. – Брянск, 2010. – С.7-54.
2. Аржанов А.П. Становление субъективности в русской прозе XVIII века: Дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2008.
3. Власов М.В. Писатель / учитель в русской литературе конца XVIII – середины XIX вв. // Филологические науки. – Тамбов, 2011. – № 2. – С.41-43
4. Вопросы литературы. – 2011. – № 6.
5. Гинзбург Л.Я. О лирике. – М., 1997. – С.21-49,6
6. Грушкин П.Е. Война 1812 года в русской литературе // <http://feb-web.ru/feb/irl/i10/i15/IL523152.htm> – Доступ свободный. Проверено: 18.02.13.

7. Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX вв. – Петрозаводск; СПб., 2011. – Вып.6.

8. Коровин В.И. Наслаждающееся размышление самого себя // *Ландшафт моих воображений*. – М., 1990. – С.5-28.

9. Кочеткова Н.Д. Батюшков и Карамзин // <http://www.booksite.ru/fulltext/4ba/tyu/shk/ov/29.htm> – Доступ свободный. Проверено: 18.02.13.

10. Кулепов В.И. История русской литературы XIX века // <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook049/01/part-017.htm> – Доступ свободный. Проверено: 18.02.13.

11. Кюхельбекер В.К. Путешествие. Дневник. Статьи. – Л., 1979.

12. Минералов Ю.И., Васильев С.А. Национальное как фактор художественности в русской литературе. – М., 2010.

13. Орлов П.А. Русский сентиментализм. – М., 1977.

14. Пашкуров А.Н. Поздний русский сентиментализм. Диалог идиллического и элегического. – Казань, 2010.

15. Петров А.В. Становление художественного историзма в русской литературе XVIII века. – Магнитогорск, 2006.

16. Преподобный Серафим Саровский и русская литература. – М., 2004.

17. Фигур Р. Дискурс о Возвышенном в русском сентиментализме. А.Радищев и Н.Карамзин // *Русский текст*. – СПб., 1995. – № 3. – С.47-60.

18. Чичинадзе Р.В. Жизнь и литературная деятельность П.И.Шаликова: Дисс. ... канд. филол. наук. – Тбилиси, 1971.

19. Шаликов П.И. Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 года. – М., 1813.

19.Щеголев П.Е. Шаликов П.И. // http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography... – Доступ свободный. Проверено: 18.02.13.

Н.В. Чупринова

Московский государственный областной университет

ЖЕНСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Вопрос изучения женского литературного творчества первой половины XIX века в последние годы обретает все большую актуальность. Исследования в данной области восстанавливают важные и ценные страницы истории великой русской литературы и раскрывают особенности культурной жизни России.

Многие произведения русских женщин-писательниц, а зачастую даже и их имена долго были незаслуженно забыты. Тем не менее, женщины-писательницы много дали русской литературе и даже стали ее